Джерела та література:
1. Барабаш Ю. Про дифузійні процеси і явища в історії українського письменства / Ю. Барабаш // Слово і Час. – 2001. – № 8. – С. 18-21.
2. Борисова В. В. Достоевский и барокко (типологический аспект проблемы мира и человека) / В. В. Борисова, С. М. Шаулов // Концепции человека в русской литературе : сб. ст. / редкол.: Б. Т. Удодов (науч. ред.) и др. – Воронеж : ВГУ, 1982. – С. 77-88.
3. Демченко І. Особливості поетики Ольги Кобилянської / І. А. Демченко. – К. : Твім інтер, 2001. – 206 с.
4. Каган М. Эстетика как философская наука / М. Каган. – СПб. : Петрополис, 1997. – 521 с.
5. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев // Избр. работы : в 3 т. / Д. С. Лихачев. – Л. : Худож. лит., 1987. – Т. 3.
6. Середич М. Поетика новел Василя Стефаника у контексті художнього перекладу (на матеріалі російських перекладів) : автореф. дис. … канд. філол. наук : спец. 10.01.01 – «Українська література» / М. С. Середич. – К., 1998. – 20 с.
7. Шумило Н. М. Під знаком національної самобутності : Українська художня проза і літературна критика кінця XIX – початку XX ст. / Н. М. Шумило; відп. ред. П. М. Федченко. – К. : Задруга, 2003. – 354 с.

Трофименко Ю.С. **УДК 821.111:801.73:167.1**

ПРОБЛЕМАТИКА И ТЕМАТИКА ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА Р. КИПЛИНГА

Актуальность данного исследования заключается в том, что произведения позднего периода Редьярда Киплинга изучены недостаточно в отечественном литературоведении по причине отторжения писателя от литературных кругов и читательской аудитории из-за его социально-политических предпочтений и преобладающего в них пессимистического настроения. **Цель** настоящей статьи – выявить тематические особенности позднего периода творчества Киплинга и его основную идейно-философскую проблематику. Постановка данной цели предполагает решение следующих **задач**: изучить историю вопроса, изложить мнение критиков и литературоведов, исследовавших данную проблему, проанализировать специфику позднего творчества Киплинга. **Объектом** исследования является проблематика поздних текстов Киплинга.

Тематика и идейное содержание художественного наследия писателей напрямую зависит от насущных проблем и актуальных веяний текущего столетия. Редьярд Киплинг был не исключением: творческий путь писателя был весьма трудным, в связи с тем, что пришелся на момент смены двух культурно-исторических эпох, период Англо-Бурской и Первой мировой войн. Все эти события, безусловно, не прошли для его писательской, а кроме того личной жизни бесследно. Посвятив ранние годы своей жизни журналистской карьере, писатель не только работал редактором одной из индийских газет, но и побывал в горячих военных точках, став свидетелем кровавой Англо-Бурской войны. Об этом событии он позже напишет: «Война – странная вещь, это нечто среднее между покером и воскресной школой. Иногда вверх берет покер, иногда воскресная школа, но чаще все же покер» [1].

Согласно мнению Д.П. Мирского, все творчество Киплинга очевидно распадается на два периода, переходом между которыми можно считать годы бурской войны (1899-1902). По его словам, первый, без сравнения, ценней [2]. Но мы позволим себе согласиться с Д.П. Мирским только лишь в том, что именно рубеж веков стал поворотным в литературной судьбе Киплинга. Другие видные исследователи творчества Киплинга полагают, что именно личная трагедия писателя, произошедшая в 1915 году, стала ключевой в его творчестве и коренным образом изменила его отношение к жизни [3]. В творчестве Киплинга мы условно выделяем три периода: первый – 80-е – 90-е годы XIX столетия, второй (переходный) – с 1899 года по первое десятилетие XX столетия и третий – приблизительно с 1915 года по 1932 год. Разумеется, проблема периодизации писателя весьма неоднозначна и связана также с вопросом славы.

По мнению Н.Я. Дьяконовой и А.А. Долининой [4], именно с англо-бурской войны и начался быстрый закат его славы: «Страна не стала Империей по рецептам Киплинга, и Киплинг обиделся на свою страну». Кроме этого, они считают, что первое десятилетие XX века в Англии оказалось периодом брожения, периодом разочарования в былых идеалах, и уже не Киплинг, а его идейные противники – Дж. Голсуорси, Б. Шоу, А. Беннет, Г. Уэллс – выразили это предкризисное умонастроение. Оказывается, купив дом в графстве Сассекс, столь поэтично описанном в его фантастическом рассказе «Они», Киплинг все более замыкается в себе и в семье. Все отчетливее звучит в его творчестве тоска по «старой доброй Англии», по героям ее прошлого, по утраченным идеалам «владычицы морей». Н.Я. Дьяконова и А.А. Долинина утверждают, что к современным темам он снова обращается лишь во время Первой мировой войны, которая вполне по-киплинговски представляется ему апокалиптической битвой Закона и Беззакония [4].

Известно, что перед началом Первой мировой войны Киплинг воспевал в своих стихотворных лозунгах воинские доблести и призыв к участию в войне: «За все, что есть у нас, вставайте в скорбный час!». С этими строчками в карманах солдаты и отправились на фронт [1]. Но по окончании войны киплинговские воззвания нашли лишь отрицательный отклик, ибо для нового поколения война оказалась ничем иным, как бессмысленной кровавой бойней, подорвавшей веру в незыблемость мировых порядков и разрушившей все иллюзии. Это и стало одной из причин негодования и ярого осуждения со стороны многих читателей. Переживавшие острый душевный кризис поколение фронтовиков даже не обратило внимание на то, что в

произведениях Киплинга, вследствие личной трагедии, появились мотивы христианского сострадания и всепрощения [4]. Более того, идею служения и подчинения «высшему закону», героической жертвенности отвергли многие английские и американские писатели «потерянного поколения», такие например как Т.С. Элиот, Э. Паунд и др. Так, в первое послевоенное десятилетие новые веяния и идеи заглушали голос Киплинга: он пытался обратить на себя внимание психологически утонченными рассказами, экспериментировал, расширял свой тематический диапазон, но все безрезультатно.

Согласно мнению М. Веллера, именно в период падения могущества и мощи Великой Британской империи ослаб и писательский авторитет Киплинга: «граненый и сверкающий отточенной сталью, как штык колониального пехотинца, талант Киплинга больше не был желаем. Не был приятен. Не звучал в унисон новым чаяниям. Не возбуждал сердца биться сильнее – к борьбе, преодолению лишений и препятствий, самоутверждению в своей непобедимости, смерти во имя своих целей и взглядов и во имя величия Родины» [5]. Смена мировоззрения и общего восприятия жизни в рамках текущих изменений глобального характера не могли не повлиять на художественный мир и сознание «железного Редьярда». Но более сильный отпечаток, на наш взгляд, наложила перенесенная Киплингом личная драма: в 1898 году он потерял любимую дочь Джозефину, а впоследствии и единственного сына Джона, что стало для него сильнейшим ударом. После этого писатель уже не мог сдерживать боль потери, разочарование и ненависть к войне, что и легло в основу произведений послевоенного периода.

Таким образом, если первая и вторая половины его литературного пути были ознаменована социально-политической проблематикой (как истинный «певец Империи», он восхвалял имперскую власть и «бремя белого человека») на фоне невероятной экспрессии и твердости характера, то третий период был посвящен проблеме моральной и физической опустошенности жертв войны в рамках религиозной тематики. К позднему творчеству можно отнести сборники рассказов «Самые разные существа» («A Diversity of Creatures», 1917), «Рассказы о суше и море» («Land and sea tales», 1923), «Ирландские гвардейцы во время Великой войны» («The Irish Guards in the Great War»), «Дебет и кредит» («Debits and Credits», 1926), «Ограничение и обновление» («Limits and Renewals», 1932) и др. На фоне раннего периода творчества с его безудержным порывом к стилевому новаторству и сюжетной насыщенности, поздний этап отличается довольно сдержанным тоном повествования, глубиной фабулы и тонкостью описания. Таким образом, идейно-художественный контраст и тематические трансформации в ранних и поздних произведений Киплинга очевидны. Важным является вывод Н.Я.Дьяконовой и А.А. Долинина [4] о том, что «мир Киплинга был миром на пороге, миром между "тогда" и "потом" - так сказать эпилог, совмещенный с прологом».

Объявление о начале Первой Мировой Войне Киплинг, давно говоривший о германской угрозе, воспринял как весть о решающей битве Добра и Зла. Одним из первых записался добровольцем на фронт его сын Джон (в семье его называли Джек). Батальон ирландской гвардии, в который он попал, высадился во Франции в 1915 году и сразу попал в кровопролитную битву у бельгийского местечка Лоо. Перед боем Джон написал родителям письмо с предчувствием скорой гибели. Письмо действительно оказалось последним; из первого же боя он не вернулся. Позже пришло известие о том, что Джон пропал без вести [1].

Битва при Лоо положила конец равнодушию Киплинга, но на смену пришла обида. Как пишут хорошо знавшие Киплинга люди, после этих печальных событий «Редьярд утратил жизнерадостную походку, но гений и отвага нисколько не притупились» [1]. Надеясь найти хотя бы могилу Джона, он объездил все кладбища Европы, на каких только можно было найти хоть одного поданного Британской империи: все французские и фламандские поля сражения, но тщетно. Киплинг регулярно платил британскому садовнику, нанятому Комиссией по военным захоронениям, чтобы тот в память о Джоне каждый вечер играл «сигнал отбоя», традиционно исполняемый при отдании воинских почестей на похоронах. Так продолжалось до 1940 года, пока немцы не осадили Ипр [3]. Однако, могилу неизвестного лейтенанта ирландской гвардии Джона Киплинга удалось обнаружить только в конце XX века.

Поискам могилы сына посвящен рассказ «Садовник», написанный в 1925 году. Эпиграфом к нему послужило его же стихотворение «Бремя», в котором Киплинг не случайно обращается к библейскому сюжету:

«Хранить - вот мой удел -
Одну из всех могил,
Но Бог с Небес призрел,
И камень отвалил.
За годы слез настал
Тот день, и час пробил:
Плач Ангел услыхал
И камень отвалил!» [6].

Для самого писателя рассказ стал «настоящим воскрешением»: вместе с женой они объездили всю Европу, побывали на Бермудах, в Африке и Палестине. Писательская деятельность Киплинга вновь возобновилась. Так, наблюдения за военными кладбищами принесло ему удивительную награду – орден почета, от которого писатель вежливо отказался, полагая, что должен служить бескорыстно [1].

Рассказ «Садовник» может быть, без всяких сомнений, назван автобиографическим. Этот рассказ является показательным в плане тех новых художественных методов, которые мы находим у позднего Киплинга. Особый интерес критиков к данному произведению обусловлен характерными для него неопределенностью сюжетной линии и неоднозначностью ее трактовки. Речь идет об одинокой женщине

Хелен Тарелл, в жизни которой единственной отрадой и утешением был ее любимый племянник Майкл. Жизнь их была довольно спокойной и, казалось, ничего не предвещало беды, когда в один из дней молодой человек ушел добровольцем на фронт. Его батальон был направлен во Францию в местечко при Лоо, где он еще успел отправить ей телеграмму, которая оказалась для него последней. Трагическое известие о гибели и бесследном исчезновении племянника сломило Хелен. Киплинг так описывает происходящее: «Майкл был мертв и ее мир остановился и она осталась наедине с полновесным ударом этой остановки. Теперь она стояла, а мир двигался вперед…» [6]. Однако, вскоре героиня узнает о месте его захоронения и для нее начинается своего рода новая жизнь, она полностью погружается «в мир, полный ликующих или сломленных родственников, теперь уже твердо уверенных, что есть алтарь на земле, куда они могут возложить свою любовь» [6]. Последний эпизод рассказа является символичным и ключевым как для героини, так и для читателей. Садовник, которого Хелен встречает на кладбище открывает скрываемую долгие годы личную тайну о том, что именно она является настоящей матерью Майкла. В рассказе сохраняется интрига: садовник может выступать как олицетворением Киплинга, так и Иисуса, спустившегося с небес как символ искупления грехов Хелен.

Впрочем, сам подход к истолкованию рассказа оставлен автором преднамеренно. Некоторые из критиков видят причину этого в уступке викторианским условностям. И не смотря на то, что рассказы Киплинга в послевоенные годы были не столь популярными, именно это произведение писателя было одним из немногих послуживших настоящим утешением и умиротворением для тех людей, которые были разлучены со своими близкими не только смертью, но и собственными грехами. Поэтому, неудивительно, что Киплинг не только не хотел отступать от этой линии в рассказе, но даже усилил ее в последующих публикациях.

По словам британского критика и литературоведа Б. Паркера, тематика утраченной жизни, физической боли, скорбь по ушедшему прошлому, одиночество, разочарование переплетены воедино в поздних творениях автора. Теперь Киплинг обращается к нам ни при помощи разума, а посредством своего сердца. Несвойственные для писателя чувства сомнения и потери жизненного направления переполняют его поздние произведения, что и придает им особую глубину и чувственность. Б. Паркер считает, что благодаря использованию Киплингом антитез, усиливается эмоциональное воздействие на читателя, чем и подчеркивается особое художественное мастерство поздних текстов автора [7].

Однако, только уже после смерти, с начала 40-х годов, творчество Киплинга переосмысляется критикой. В 1943 году, после того как Т.С. Элиот выпускает в издательстве «Фейбер энд Фейбер» сборник стихотворений писателя, интерес к писателю возрождается. В пространном эссе, предваряющем стихи Киплинга, Элиот утверждает, что «по мастеровитости Киплинг превосходит классиков... Среди его стихотворений не найдется ни одного, в котором бы ему не удалось выполнить поставленную задачу». По мнению Элиота, главным достоинством Киплинга было его умение «заставить людей понять» [8].

Таким образом, в плане художественно-тематических аспектов поздним произведениям Киплинга свойственен ряд религиозно-аллегорических мотивов. Центральными среди них являются мотивы «война», «смерть», «грех», «любовь», что свидетельствует о наличии типичных для модернизма элементов. Автор поднимает такой сложный психологический вопрос, как жизнь «до» и «после», философски подходит к проблеме трагических судеб людей, испытавших тягостные последствия войны. И именно концепты «сострадание», «милосердие», «всепрощение», «любовь» становятся кульминационным для всего позднего творчества. Относящиеся к этому периоду рассказы Киплинга заслуживают не меньшего скрупулезного изучения с целью воссоздания целостной картины творческого наследия писателя, что, несомненно, является предметом острых дискуссий в современном литературоведении.

Источники и литература:

1. Менделеев Д. Библейский сюжет. Рассказ Р. Киплинга «Садовник» : [Электронный ресурс] / Д. Менделеев. – Режим доступа : http://www.tvkultura.ru/
2. Мирский Д. П. Поэзия Р. Киплинга / Д. П. Мирский // Литературно-критические статьи. – М. : Наука, 1978. – С. 310.
3. Іщенко Н. А. Редьярд Кіплінг: до історії створення та функціонування вірша «Мій хлопчик Джек» / Н. А. Іщенко // Світова література на перехресті культур і цивілізацій : зб. наук. праць. – Сімферополь : Крим. Архів, 2011. – Вип. 3. – С. 94-101.
4. Дьяконова Н. Rudyard Kipling / Н. Дьяконова, А. Долинина. – Ленинград : Художественная литература, 1980. – С. 3-25.
5. Вернер М. Долина идолов : [Электронный ресурс] / М. Вернер. – Режим доступа : http://vragi-naroda.net/?p=1413
6. Кистерова Е. К. Редьярд Киплинг. «Садовник». Вступительная статья : [Электронный ресурс] / Е. К. Кистерова. – Режим доступа : http://www.proza.ru/2007/01/29-275
7. Parker B. In three dimensions / B. Parker // The Kipling Journal. – 2012. – № 347. – P. 20-21.
8. Лауреаты Нобелевской премии : энциклопедия / отв. ред. Е. Ф. Губский; [пер. с англ.]. – М. : Прогресс, 1992. – С. 549.